

*Эта книга посвящается моей матери,
Кэтрин Ширли Бром, всегда говорившей, что я смогу,
когда другие твердили: «Не сможешь»*

*Ступай с оглядкою по сим камням священным:
ведь здесь, в день пятый октября лета 1666,
дьявол, что именуется Косиногом,
погубил 112 добрых жителей деревни Саттон.
Спаси Господь бессмертные их души.*

Памятник над руинами старого дома собраний
в Саттоне, Коннектикут

ГЛАВА ПЕРВАЯ

*Новый Свет,
Сэттон, Коннектикут, март 1666 г.*

Тень в непроглядной тьме.
Шепот...
Снова шепот...
— Нет.
Вновь шепот — тревожный, настойчивый.
— Не слышу. И слышать никак не могу. Ибо мертвые
ко всему глухи.
И снова шепот.
— Оставь меня, тебе сказано.

— Ты должен, должен проснуться.
— Нет. Я мертв и мертвым останусь.
— Ты больше не можешь прятаться.
— Там для меня ничего больше нет.
— А кровь?
— Нет... хватит. Слышать ничего не хочу.
— Они пришли. Пришли.
— Вот привязался! Честью прошу: оставь ты меня в покое.

— Они здесь, у тебя на пороге.
— И что с того?
— Мы принесли тебе дар.
— Я ни в чем не нуждаюсь.
— Кровь... ты только понюхай, понюхай...

— Нет. Я ничего не чую. Я мертв.

Однако запах крови, витавший вокруг, пронизывал, пропитывал тень насквозь, и пробужденный им легкий, едва уловимый зуд голода вскоре усилился, сделался нестерпимым.

— О-о, — застонал призрак, — кровь... сладкая, сладкая... кровь...

С этим он поднял веки, зажмурился и снова открыл глаза.

Рядом с ним, на земле, лежал какой-то четвероногий зверь. Не олень, не еще какой-нибудь зверь из знакомых — неведомая косматая тварь с раздвоенными копытами и толстыми витыми рогами. Досталось зверю изрядно: потроха вывалились наружу, глаза часто моргали, дышал он, точно загнанная лань.

Призрак придвигнулся ближе. Зверь устремил дикий, безумный взгляд на него, затрясся всем телом, заблеял. Подхлестнутый его страхом, призрак приблизился к зверю вплотную, запустил туманные щупальца в теплое мясо, упиваясь кровью и ужасом.

Еще миг — и призрак начал обретать облик. Живая кровь наполнила вены, за венами настал черед хрящей, костей,

сухожилий и мускулов. Призрак принял лакать кровь, затем, почувствовав, что у него появились зубы, глубоко погрузил морду в рассеченное брюхо жертвы, вгрызся в парные внутренности, пожирая и плоть, и кости. Толчок в груди, еще толчок, и сердце застучало быстрее, быстрее, и призрак — вернее, уже не призрак, — подняв голову, испустил долгий, протяжный вой.

— Вот и хорошо, — сказал некто невидимый.

— Хорошо, — согласился призрак (вернее, не призрак — зверь), впервые с незапамятных, древних времен услышав собственный голос, гулким эхом отразившийся от сводов пещеры.

— Ты все еще голоден?

— Да.

— Еще крови хочешь?

— Да.

— Там, наверху, найдется.

Подняв взгляд, зверь увидел высоко над головой серебристый лучик, проникающий вниз сквозь зев глубокой, неровной ямы.

— Как тебя зовут? — спросил некто невидимый.

— Не помню, — отвечал зверь.

— Вспомнишь. О, еще как вспомнишь... и они — тоже.

— САМСОН! — прокричала Абита, старательно сдерживая нарастающий страх в голосе.

Шла она быстро, вглядываясь в отпечатки раздвоенных копыт, цепочкой петлявших среди копен сухих кукурузных стеблей. Ясное дело, удрать далеко козел не мог: Абита сама видела эту скотину меньше часа назад. Дойдя до края поля, она остановилась, взгляделась в густую чащу коннектиутских лесов. Деревья даже сейчас, на исходе зимы, когда вся их листва покоятся на промерзшей земле, поглоща-

* БРОМ *

ли свет почти без остатка — дальше сотни шагов ничего впереди не видать.

— Самсон! — снова окликнула она. — Сэм!

На морозе крики срывались с губ облачками пара. В небе над головой собирались плотные тучи, вокруг смеркалось. Если не отыскать Самсона до темноты, козла наверняка найдут волки либо кто-нибудь из дикарей, однако Абита, зная, как просто живой душа, войдя в этот лес, никогда не вернуться назад, призадумалась. Оглянувшись в сторону дома, она поразмыслила, не прихватить ли с собой мушкет, но решила, что времени на это нет, шумно выдохнула, подобрала подол серой шерстяной юбки, собралась с духом и двинулась дальше, в сумрачный лабиринт зарослей.

Не теряя из виду следов, Абита обогнула хитросплетение ежевичных лоз и, изо всех сил стараясь не поскользнуться в слегка оттаявшей грязи пополам с пальми листьями, спустилась с невысокого откоса. Шипастые ветви цеплялись за длинные юбки и плащ. Одна из них сдернула с головы чепец, и длинные рыжие волосы Абитывольно рассыпались по плечам. Стоило потянуться за чепцом, нога заскользила, и Абита, шлепнувшись наземь, съехала вниз, на дно заболоченного овражка.

— А, дьявол и преисподняя! — вскричала Абита, но тут же опасливо огляделась вокруг. Конечно же, поблизости не было ни души, однако осторожность вошла в привычку: услышит хоть кто-нибудь из сектантов — не миновать ей кары за этакое сквернословие.

Ухватившись за ветку, Абита поднялась, но та с треском переломилась, отчего девушка вновь рухнула на четвереньки, а грязь не преминула сдернуть с ног увязшие в ней башмаки.

— Сучий прах! — воскликнула Абита, уже не заботясь о том, что ее могут услышать.

Сплюнув попавшие в рот брызги болотной жижи, она принялась откапывать башмаки, нашла их, выдернула из

трясины, встряхнула раз-другой, но грязь прилипла к башмакам намертво. Счистить грязь тоже оказалось непросто: жесткая кожа больно впивалась в замерзшие пальцы. Когда боль сделалась нестерпимой, Абита оставила эту затею и прижала онемевшие ладони к груди в надежде хоть немного отогреть их.

— Самсон! — вновь позвала она, обшарив взглядом топкое дно оврага и бескрайние заросли.

Как только девушку из Лондона могло занести в эти суровые, неумолимые земли? В глазах защищало от слез, и Абита утерла их тыльной стороной запястий, измазав грязью и щеки.

— А ну, прекрати реветь. Ты давно не девчонка, — сказала она и вновь призадумалась.

«Не девчонка, это уж точно: весной двадцать сравняется. Теперь я — женщина взрослая... и вдобавок замужняя».

Наморщив лоб, Абита сосчитала прошедшие месяцы. Почти два года замужем! Уму непостижимо: муж, ферма, пуритане... да-да, особенно пуритане с их аскетически строгим образом жизни. Попробуй-ка с этим смирись, когда тебя с малолетства собирались отдать в услужение какому-нибудь лорду или леди! Жизнь у прислуки не мед, это уж точно, но тогда ей хотя бы не пришлось опасаться голодной смерти с приходом каждой новой зимы.

«Что, не сложилось, Аби? Не вышло? Не вышло... а все — из-за отца».

Прослышав о королевском пособии, награде родителям невест, выходящих замуж в колонии, отец немедля продал ее правительству за горсть звонких монет. Девчонка всего-то семнадцати лет, она была обещана в жены одному из колонистов, Эдварду Уильямсу, еще не успев покинуть берегов Англии.

Учитель, отец Абиты, настоял на том, что дочь обучилась грамоте вместе с двоими младшими братьями. Посему прочесть свое долговое обязательство, вынимая его из до-

рожной сумки во время долгого плавания всякий раз, как ей захочется от души посмеяться или от души поплакать, Абите не составляло труда.

Добродетельная, послушного нрава юная девица, лицом миловидна, телом пышна, хорошего воспитания, из набожной, благонравной семьи...

«Да уж, в самом деле, благонравной, — думала она, — не считая отца, пропивавшего больше, чем тратит на хлеб, и мамаши, сквернословящей складнее любых стихов». Что же касается ее собственной добродетельности... Да, если не обращать внимания на ругань, рвущуюся с языка, нередкое воровство и пристрастие к дракам, невеста для выдачи замуж в пуританскую общину из нее, в самом деле — лучше не придумаешь. Насчет «лицом миловидна»... если и так, об этом ей, при ее-то бесовском, проказливо задранном кверху носе и щеках, в припадках буйства краснеющих, а на морозе вовсе расцветающих маковым цветом, раньше никто не говорил. И «телом пышна» для сочинителя этой потешки, наверное, означало что-то свое, так как ее худосочные стати еще никого из встречных мужчин обернуться ей вслед не заставили. Однако, как только корабль их вошел в гавань Нью-Хейвена, все это разом сделалось совсем не смешно. Как только дело пошло всерьез, у Абиты не осталось ни малейших сомнений: жених отправит ее восвояси, едва разглядит. Но если Эдвард при встрече и был удивлен, сама Абита удивилась не меньше. Человеком Эдвард оказался совсем не таким, какого она ожидала увидеть. Был он симпатичен, может, даже красив, годами десятью ее старше, с буйной копной волнистых темных волос, однако из-за увечья — горба за плечами — ходил согнувшись, точно улитка.

Что он подумал о ней, Абита в то время понять не смогла, так как если Эдвард и был разочарован, то ничем этого не показал. Просто приветствовал ее, сошедшую с корабля, застенчивой улыбкой, а затем, после неловкого рукопожа-

тия и короткого, деловитого знакомства, подхватил единственную сумку Абиты и повел нареченную к запряженной мулом повозке — прочь от причала, в новую жизнь.

«И вот я здесь, — подумала она, — вычерпываю из башмаков стылую грязь да гоняюсь за безмозглым козлом по безлюдному темному лесу».

Донесшийся издали вой заставил разом забыть обо всяких раздумьях. Отчаявшись вычистить грязь из башмаков, Абита сунула в них ноги как есть и с трудом поднялась. Перемазанная в болотной жиже, насквозь промокшая длинная юбка порядком отяжелела, отчего идти стало еще труднее, чем раньше. Опираясь на крепкую палку, подобранный в болотце, Абита принялась искать следы козла и вскоре нашла их. Они вели к дальнему концу овражка, к россыпи каменных глыб, торчащих над склоном.

Приглядевшись к темным камням, Абита не на шутку удивилась их сходству с огромным трухлявым пнем. Может, это вправду окаменевшие остатки какого-то древнего дерева? Каким же оно было громадным, если оставило о себе память настолько невероятной величины? И тут ей в глаза бросилось еще кое-что примечательное: камни размером поменьше, стоймя расставленные вокруг пня на равном расстоянии один от другого. Общим счетом их оказалось две-надцать. Во всем этом чувствовалось нечто странное. Казалось, их расставил кольцом какой-то великан, давним-давно канувший в прошлое и позабытый.

Отпечатки копыт исчезали в яме у подножья окаменелого пня. Видя, что перед нею вход в чье-то логово или небольшую пещеру, Абита приблизилась к яме не без опаски, огляделась вокруг в поисках медвежьих или волчьих следов. Но нет, сырую листву потревожили только копыта козла.

Подойдя ближе, Абита оперлась ладонью о выступ над зевом пещеры и заглянула внутрь. В пещере не оказалось ничего, кроме мрака да тени, однако Абите сделалось не по

себе, как будто под чьим-то взглядом. Тут-то она и пожалела, что не прихватила мушкет.

— Самсон?

Тишина. Жутковатая тьма безмолвствовала.

— Скотина проклятая, кой черт тебя в эту дыру потянул?

И тут ее внимание привлекла еще одна странная штука. След козла вел от амбара к пещере, можно сказать, прямиком, словно козел знал, куда идти — так пчелы с взятком возвращаются в улей.

— Самсон, — вновь позвала Абита.

Вновь тишина.

— Самсон! А ну вылезь, живо! Не заставляй за тобой туда лезть!

И, помолчав, едва слышным шепотом:

— Пожалуйста, не заставляй меня за тобой туда лезть...

Не дойти ли до дома, не вернуться ли с Эдвардом? Однако от этой мысли пришлось отказаться: когда воротится Эдвард, Абита не знала — возможно, не раньше, чем через час-другой.

«Козла потеряем — конец нам», — заволновалась она, зная, в какие деньги обошелся им этот козел. Еще один долг поверх кучи прежних... Но дело было не только в деньгах, а в том, что виновата в этом одна Абита: ведь только она заходила сегодня в козий загон и обнаружила пропажу козла, лишь пойдя подоить двух козочек к ужину. Самым страшным во всем этомказалось взглянуть в глаза Эдварду, рассказав ему, что натворила. Утрата подкосит его, лишит всех надежд... Нет, этого Абита перенести не могла.

— Самсон, — взмолилась она, — пожалуйста...

Стиснув зубы, пригнувшись, она сунула голову внутрь и замерла в ожидании, пока глаза не приспособятся к темноте. Пещера оказалась просторнее, чем она ожидала, размером с грузовую повозку, укрытую низким навесом. Ткнув в темноту палкой, Абита нашупала пол и шагнула вперед.

— Самсон!

Ее зов гулким эхом отразился от свода пещеры. Как только глаза попривыкли к мраку, дальше, впереди, показался ход в следующее подземелье.

«Ну нет уж, — подумала Абита, — туда я ни за что не пойду. Туда меня никакими коврижками не заманишь».

Из недр пещеры донесся негромкий шорох, а за ним — фырканье вроде козлиного. Абита напружинилась, насторожилась, готовая броситься наутек.

— Кто там? — окликнула она, выставив перед собой палку, будто копье. — Самсон, ты? Отзовись, Бога ради!

Дожидаясь ответа, Абита стиснула палку до боли в ладонях. В мучительном ожидании прошло не меньше минуты, но из пещеры не донеслось больше ни звука, и тогда она медленно перевела дух.

«Прекрати трусить, гусыня бестолковая!»

Закусив губу, Абита осторожно шагнула вперед, и вдруг пол пещеры ушел из-под ног. Рухнув на бок, заскользив вниз, она отчаянно впилась ногтями в сыпучую землю в поисках хоть чего-нибудь, хоть какой-то опоры, только бы остановить падение. По счастью, под руку подвернулся торчащий из земли камень. Изо всех сил вцепившись в него и второй рукой, Абита попробовала обо что-нибудь опереться ногами и ахнула: ноги нашупали лишь пустоту. Внизу, под нею, зиял непроглядно-темный провал.

Повиснув над бездной, шумно часто дыша, Абита вслушалась в перестук осыпающихся на дно ямы камней. Казалось, падению их не будет конца... и тут до ее ушей снова донесся тот самый шорох. На этот раз ей без труда удалось разобрать, что доносится он снизу, из ямы под ногами. Тут она и поняла, что стряслось — что козел провалился в эту самую яму.

— Вот скотина безмозглая, — проговорила она. — Вот же болван бородатый...

Упав с такой высоты, козел наверняка свернул себе шею или сломал хребет и, значит, на племя уже не годен, а доить козла, как известно, занятие бессмысленное.

— Куда тебя, дурня, теперь? Только на жаркое. Вот доберусь до...

И тут она осеклась.

Из ямы снова донесся какой-то шум.

Абита сощурилась, вглядываясь в темноту.

Вновь тот же звук, и тут уж сомнений не оставалось: козел здесь ни при чем. Шепот... шепот, словно бы детский, только слов Абита разобрать не смогла — казалось, язык какой-то чужой.

«Туземцы», — подумала она, но нет, дело было в чем-то еще: шепот Абита не просто слышала — чувствовала, точно слова мурашками ползли прямо под кожу. Все тело обдало холодом, и тут она поняла... поняла...

— Отпусти. Разожми руки. Мы подхватим тебя.

Абита с удвоенной силой рванулась наверх, как ни тянула книзу мокрая, грязная юбка.

Вновь тот же голос... только гораздо ближе. Бросив взгляд вниз, Абита не смогла разглядеть ничего — даже ступни ее исчезали в ужасающей тьме. Еще рывок, и локоть утвердился на краю ямы, а затем ей удалось зацепиться за край и коленом. Выбравшись наверх, Абита откатилась прочь от провала, поднялась на колени и во весь дух бросилась к выходу, к дневному свету, споткнулась, упала... и тут кто-то коснулся ее ноги! Из горла вырвался отчаянный визг, однако позади не оказалось никого.

— Оставь меня! — вскричала она.

На четвереньках выбравшись из пещеры, скатившись кубарем вниз, Абита поднялась на колени и обернулась к пещере в ожидании преследователя, кем бы тот ни оказался.

— Ты ненастоящий, — прошептала она, покачав головой. — Ненастоящий.

С этими словами она откинула волосы с глаз и увидела там, в неверных предвечерних сумерках, возвышающееся над нею невероятно огромное, исполинское дерево с кроваво-алой листвой. Не в силах пошевелиться, не в силах

* КОСИНОГ *

даже моргнуть, Абита замерла, и вдруг услышала оклик откуда-то издалека, а затем громче, ближе:

— Абита! Абита!

Обернувшись, Абита увидела на том берегу болотца Эдварда с фонарем в руке. Сгорбленный силуэт мужа темнел на фоне угасавшей вечерней зари.

Тогда она снова взглянула на дерево и обнаружила, что дерево исчезло, как не бывало... однако над исполинским пнем легонько покачивался свежий росток.

— Раньше его здесь не было, — прошептала она.

«Нет, проглядеть его я никак не могла: вон листья какие красные».

— Абита!

Абита вскочила и, огибая болотце, бросилась к Эдварду. Такой радости появление мужа не доставляло ей еще никогда.

— Абита, что...

Подняв фонарь, Эдвард оглядел ее с головы до ног, в смятении поднял брови. Да, ну и вид, ну и зрелище... сплошь в грязи и палой листве, чепец потеряла, мокрые грязные волосы прядями липнут к щекам, и вдобавок — это Абита заметила только сейчас — куда-то пропал один из башмаков.

— Бедняжка, что с тобой стря...

— Эдвард, я потеряла его, потеряла! — затараторила она с дрожью в голосе. — Потеряла!

— Кого? Кого потеряла?

— Нового козла, Самсона. Самсон пропал. Прости...

Эдвард окинул взглядом темные заросли.

— Ничего, отыщем.

— Нет, Эдвард, ты вначале дослушай. Самсон погиб. В яму упал. Упал и... и сгинул с концами.

Осознав, что это для них означает, Эдвард переменился в лице. Без козла, без производителя, потомства от козочек по весне не дождешься.

— Это точно?

— Еще как, Эдвард. Вон... вон пещера, а внутри — яма глубокая, — слегка запнувшись, ответила она и ткнула пальцем назад, за плечо. — Он там, на дне. Я так виновата... так виновата перед тобой... я...

Подняв руку, Эдвард обнял Абиту, привлек к себе, что проделывал крайне редко. Объятия вышли неловкими, скорее отеческими, как и все его знаки внимания интимного толка, однако Абита знала: муж изо всех сил старается ее утешить.

— Эдвард, ты меня что же, не слышишь? — отстранившись, удивилась она. — Самсон пропал из-за меня. Из-за меня. Ты же сердиться должен. Полное право имеешь.

— Оставим эти тревоги на завтра, — сказал он. — Утро вечера мудренее. Будет на то воля Господа... как-нибудь проживем.

На глаза навернулись горячие слезы — слезы злости на Эдварда и не только. Нет, он, как всегда, из себя не выйдет, а лучше бы разозлился, лучше бы обругал ее на чем свет стоит: может, тогда Абита злилась бы на собственную безголовость хоть чуточку меньше.

— Это вовсе не Господь оставил калитку незапертой, — зарычала она. — Это я, я! Я во всем виновата. Нельзя же всю жизнь во всем винить Господа. Не выйдет из этого никакого...

— Довольно! — с неожиданной резкостью оборвал ее Эдвард.

Однако Абита, уловив кроющуюся за резкостью слабость, решила ни на чем не настаивать, уступить: пусть без помех разбирается во всем по-своему.

— Довольно, — прошептал Эдвард и, развернувшись, усталый, подавленный, двинулся по склону оврага наверх, к дому.

Оглянувшись на темный зев пещеры, Абита последовала за ним.

Приближаясь к дому, Абита увидела белого жеребца, привязанного у крыльца.

«О нет, только не сегодня!»

Эдвард замедлил шаг. На миг Абите показалось, что он развернется и уйдет, однако муж шумно перевел дух и направился в дом. Абита двинулась следом.

Старший брат Эдварда, Уоллес, развалился в кресле, закинув ноги на стол. Те же, что и у Эдварда, волнистые волосы, карие глаза, высокий лоб, однако на этом все сходство заканчивалось. Во всем остальном Уоллес — огромный, широкоплечий, развязный в разговоре и поведении, с квадратной челюстью, бравого вида малый, с какой стороны ни взгляни — отличался от брата разительно.

— Эдвард! — воскликнул Уоллес, смачно жуя ветчину.

Перед тем как отправиться в лес, Абита накрыла стол к ужину, и Уоллес не постеснялся угоститься одним-двумя небольшими ломтиками ветчины. Увидев это, Абита едва сдержала крик возмущения: ни солонины, ни ветчины у них больше не осталось, и денег на пополнение запасов в ближайшем будущем не предвиделось.

Тем временем Уоллес окинул взглядом ее измазанное грязью платье и волосы.

— Осмелюсь спросить... э-э...

— У нас козел пропал, — сказал Эдвард, не добавив больше ни слова.

— О-о... понимаю, — откликнулся Уоллес и вновь вонзил зубы в ломтик ветчины. — Жаль, жаль. Соболезную. Надеюсь, ты, брат, не возражаешь? — спросил он, подняв повыше огрызок мяса. — Путь сюда был неблизок, а я до сих пор не ужинал.

«Прекрасно же знаешь, что мы возражаем», — подумала Абита и перевела взгляд на мужа.

Как ей хотелось, чтобы муж призвал этого типа к порядку!